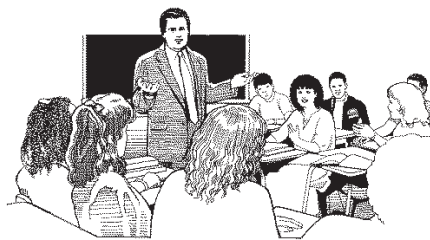

ПОЛИТОЛОГИЯ

Д.В. БЕЛЯВЦЕВА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЛАРУСИ: ПОИСКИ В СИТУАЦИИ ПОГРАНИЧЬЯ

Среди положительных тенденций развития Республики Беларусь есть и некоторые спорные, с точки зрения мирового сообщества, достижения. Однако одна из позитивных черт современной Беларуси — ее относительная внутренняя стабильность, контрастирующая с конфликтностью развития в других странах. Важным ее условием является, на наш взгляд, специфика идентичности белорусов, обусловленная в значительной степени структурой этнического и религиозного состава населения и, как итог, отсутствием значительных расхождений в политических ценностях и приоритетах жителей государства, отсутствием резких социально-экономических отличий в развитии различных регионов страны и положения населения и др. Тем не менее политическая идентичность общества есть непрекращающийся процесс “обретения себя” нацией. Еще более непредсказуемым он становится в условиях трансформаций и в обществах, расположенных в зонах “пограничья”, в частности, белорусском. Попробуем в связи с этим обозначить основные тенденции формирования политической идентичности современного белорусского общества. Заметим, что политическая идентичность понимается нами как отождествление субъектом политического пространства себя с определенной политической позицией, признаваемое другими субъектами политических отношений. Она формируется под влиянием не только психической деятельности субъекта, но и специфики структуры политического пространства. Политическая идентичность имеет групповую природу и проявляется, в первую очередь, через партийную, идеологическую и геополитическую идентификацию. Изучение политической идентичности является методологически сложной проблемой и наиболее адекватно может быть осуществлено в рамках такого направления современных гуманитарных знаний, как пограничные исследования. Объем понятия “пограничье” варьируется. Под ним понимают и приграничье, и зоны этнических, культурных, экономических взаимодействий, и универсальный феномен, присутствующий во всех сферах бытия. Понимая невозможность описания пограничья с линейных позиций, мы будем исходить из последнего подхода, предполагающего использование широкого спектра знаний.

Столпы стабильности: надежда или угроза? Этнические и религиозные ценности всегда оказывали влияние на процесс политической идентификации разных народов. Чаще всего именно этнорелигиозные ценности обеспечивали устойчивость политических традиций и стереотипов. В связи с этим следует

Дина Владимировна БЕЛЯВЦЕВА, кандидат политических наук, зам. декана факультета финансов и банковского дела Белорусского государственного экономического университета.

подчеркнуть, что большинство населения Беларуси является “местным”, автохтонным по происхождению и самоидентификации. Согласно переписи 1999 г. в Республике Беларусь проживает 10 045 млн чел. Из них — 81,2 % белорусов, 11,4 % русских, 3,9 % поляков [1, 136—139]. В целом же русские и представители других национальностей не составляют монолитной социальной группы и не проживают анклавно.

Вторая по численности в республике этническая группа русских не образует компактного территориального массива. Русские проживают в основном в промышленных центрах. По культурным характеристикам они являются скорее советскими людьми, чем собственно русскими. Для них характерна глубокая интеграция в белорусское общество, которая граничит с ассимиляцией. Например, некоторые из них, имеющие прочные связи с Россией, вместе со своей этнической Родиной гордятся ее успехами и переживают ее неудачи, в мире повседневности, объясняя пристрастия и привычки, скажем, к белорусской кухне, называют себя “бульбашами”.

Аналогичные процессы происходят и среди украинской части населения Республики Беларусь. Значительная ее часть проживает в Брестской области, создает там многочисленные культурные общества, говорит на диалекте, более близком к украинскому, чем белорусскому языку. При этом данная этническая группа идентифицирует себя скорее с белорусами, чем с украинцами.

По мнению исследователей, на территории Беларуси издавна проживали две этнические группы, отношения с которыми имели некоторые сложности [2, 80—91]. Это поляки и евреи. Однако в результате процессов, происходящих на территории Беларуси, особенно в XX в. (войны, репрессии, направленные против традиционных крупных этнических меньшинств, индустриализация и др.), данные меньшинства стали практически незначительными. Например, поляки утратили статус культурной элиты. В начале 90-х гг. XX в. в стране наблюдался подъем польской национальной активности, в основном в приграничных с Польшей областях. Именно поляки составляют ныне основу белорусского национального движения и образуют костяк руководства национально ориентированных общественно-политических организаций и движений. В основном это поляки католики, поскольку исследования свидетельствуют, что именно в приграничных регионах большинство из них идентифицируют себя с католическим вероисповеданием (около 80 %). Там же сосредоточено большинство католических объединений (около 43 %) [3, 163, 165]. Кроме того, именно там наибольшей популярностью пользуются национально ориентированные движения и организации.

Еврейское меньшинство в подавляющем большинстве нерелигиозно. Абсолютный прирост иудейских общин на территории Беларуси, например, с 1994 по 2000 гг. составил 1 единицу [4, 68—69, 195]. Еврейское население обладает также одной из наиболее высокой среди других этнических групп степенью корпоративности. По мнению исследователей, данная этническая группа не является источником политической нестабильности, поскольку не доминирует в республиканском руководстве [2, 83].

Таким образом, в этническом смысле Беларусь условно можно считать достаточно однородной. Здесь доминирует рассеянный тип проживания этнических групп, которые постепенно ассимилируются белорусами. Иными словами, различные этнические группы не таят в себе “семена раздора”. Скорее этнические отличия могут быть использованы разными политическими силами в борьбе за реализацию стратегий и, следовательно, они будут стремиться формировать у населения необходимые политические и идеологические ориентации. Изучая межэтнические и религиозные отношения в Республике Беларусь, исследователи установили, что, например, в списке четырнадцати главных проблем, волнующих белорусское общество, межнациональные конфликты занимают последнее место. Возможность возникновения межэтнического конфликта беспокоит только 22 % граждан. Примечательно, что больше всего эта проблема волнует русских (36 %). Среди белорусов таких только 18, а среди

поляков — 10 % [3, 161]. Убеждены, что в одной стране могут жить в согласии люди, принадлежащие к разным национальностям, 77,3 % поляков, 85,7 % белорусов, 89,5 % русских, склоняются к такой же позиции еще 16 % поляков, 12,4 и 10,5 % белорусов и русских [5, 84].

Несмотря на достаточную однородность населения и процессы ассимиляции, некоторые этно- и политико-культурные различия на территории Беларуси существуют. В частности, выделяются 2 региона: Запад и Восток, граница между которыми соответствует межвоенной советско-польской границе [5, 23; 6, 57]. На наш взгляд, с учетом исторических условий формирования территории Республики Беларусь и религиозной структуры населения в целом такая позиция достаточно обоснованна.

Этнические различия в Беларуси зачастую обосновываются принадлежностью к различным религиозным системам. Это позволяет некоторым авторам рассматривать их как потенциальные источники конфликтов в обществе. Речь идет о возможности использования этнических и религиозных особенностей населения различными политическими силами в своей деятельности [5]. По мнению социологов, в религиозной структуре белорусского общества 77,4 % составляют православные, 14,8 — католики, 0,6 — протестанты [7, 31]. По национальному признаку среди православных, католиков и протестантов преобладают белорусы (соответственно, %: 83,3, 56,4, 73,8). Среди католиков выделяется этноконфессиональная группа поляков (41,6 %) [8, 44]. Карта распространения религиозных общин на Беларуси имеет четко определенную внутреннюю границу, которая также разделяет страну на две части: восточную и западную. Иными словами, по этнорелигиозному признаку на территории страны условно можно выделить западную часть (с уровнем религиозности 70—80 % и значительным распространением католичества в Гродненской области и протестантизма в Брестской) и восточную (с доминирующим православием и распространением протестантизма в Гомельской и Могилевской областях). Спецификой обладает и г. Минск [4, 20—42; 9, 102—107].

Между выделенными регионами существует некоторая культурная дистанция, которая в значительной мере определяется различными “системами координат”, “мировоззренческими матрицами”, проявляющимися в образе жизни, психологии, ценностных ориентациях. Они, будучи своеобразным сводом высших принципов, создают “стабильное пространство предсказуемости” и оказываются основанием первичного духовно-идеологического и социально-политического разграничения и дистанцирования между группами населения. Иными словами, создается возможность конструирования различных моделей идентичности, обуславливающих специфику пребывания в поле политики.

В эпоху средневековья закладывались основы формирования уважения к закону, высокоразвитого правосознания. Принципы организации протестантских церквей также способствовали формированию диалоговой политической культуры, приучали мирян к активности. Православная вера опиралась главным образом на чувство, интуицию, что способствовало усилению таких основополагающих принципов мировоззрения, как общинность, коллективизм, самопожертвование, приоритет общественного, государственного интереса по отношению к личному и др.

Таким образом, сложившаяся этноконфессиональная структура населения Республики Беларусь с учетом влияния различных направлений христианства на формирование политических установок, предпочтений и ценностей позволяет нам предположить, что политическая идентичность населения западной, восточной частей страны и столицы будет различаться. Особый интерес представляет Гродненская область из-за компактно представленного населения католического вероисповедания.

Подобное мнение косвенно подтверждается данными опросов, проводимых в Беларуси различными социологическими центрами на протяжении 90-х гг. XX в. и начала XXI в. Их результаты особенно показательны в годы наиболее значимых для политической жизни Беларуси событий (1994, 1996, 2000, 2001,

2004, 2005 — годы президентских и парламентских выборов). Например, по мнению некоторых социологов, в отношении установок на определенные институты власти верующие в целом более терпимы. Здесь также прослеживается влияние специфики отношения к власти представителей различных конфессий. Так, президента поддерживают 49,9 % православных, 27,2 католиков, 44,5 неверующих. В целом представители католического вероисповедания более негативно относятся ко многим экономическим и политическим процессам, происходящим в белорусском обществе, властным структурам страны, более активно поддерживают оппозицию. В акциях протеста готовы принять участие 35,8 % католиков и 21 % православных [10, 56]. С точки зрения конфессионального распределения, несколько большую склонность к протестному поведению католического населения можно оценить как выраженное воздействие такой ценности, как признание права на существование оппозиции. Таким образом, можно предположить, что политическая идентичность, проявляющаяся через отношение к властным институтам, политическим партиям и движениям, формы политического участия и т.д. может различаться по регионам.

Подобное мнение косвенно подтверждается и другими данными. В частности, меньше всего противников радикальных действий проживает в Гродненской области (17,3 %) и г. Минске (20,2 %). Именно в Минске, Минской, Гродненской и Брестской областях склонность к участию в радикальных действиях отмечается в большей степени. Однако эти показатели достаточно низкие, и политическая установка на радикальные действия в целом не свойственна жителям Республики Беларусь (9,6 % в среднем по стране) [11, 19]. Все происходящие до сих пор в стране радикальные мероприятия (несанкционированные митинги, демонстрации и др.) достаточно малочисленны.

Оппозиционным политическим партиям в большей мере также доверяют жители Минска (23,3 %) и Гродненской области (19,9 %) [12, 18 — 19]. Именно в этих регионах жители склонны предоставить возможность действовать в рамках закона людям и группам, со взглядами которых они не согласны. Причем в Гродненской области этот показатель самый высокий (77 %) при среднем по Республике Беларусь — 60,9 % [13, 80]. Основные оппоненты действующего президента набирали больше всего голосов именно в указанных регионах.

Таким образом, западное христианство в лице католичества и протестантизма может оказаться при определенных обстоятельствах фактором большей оппозиционности населения к существующей власти в Республике Беларусь. Пока это слабовыраженная тенденция, но она не может не учитываться при анализе процессов формирования политической идентичности и выявления ее тенденций. Так, по мнению белорусского исследователя А. Тиханского, Польшей в отношении Беларуси проводится политика, направленная на формирование полонийно-центристского мировоззрения у этнических поляков, проживающих в республике, и достижение искусственного снижения их лояльности к государству, гражданами которого они являются [5, 94].

Автор также отмечает, что польские власти будут стремиться к активизации работы с польской диаспорой в Беларуси для обеспечения контроля всех сфер ее деятельности, в том числе политической, культурной, религиозной и продвижения представителей польского меньшинства в органы власти различного уровня. Возникший осенью 2005 г. конфликт вокруг Союза поляков и заявления властей Польши об ущемлении прав польского населения в Беларуси делают многие вышеуказанные предположения исследователя достаточно правомерными.

Напомним, что Союз поляков образовался в июне 1990 г. Как общественная организация он был сориентирован на реализацию культурно-просветительских целей, однако постепенно трансформировался в общественно-политическую структуру. Об этом свидетельствуют, например, контакты с партиями и движениями, не поддерживающими действующую в Беларуси власть, а также неоднократные выступления в прессе, выражающие недовольство национальной политикой руководства Республики Беларусь.

Анализируя отношение населения к власти, хотелось бы подчеркнуть, что оппозиционность некоторых его групп в целом сочетается с такой ценностью, как уважение закона. О приверженности законности свидетельствует, например, отношение к смене власти посредством очередных выборов. Такого мнения придерживаются в большей степени жители Минска, Минской и Гродненской областей (соответственно, %: 47,3, 55,8, 44,0) [14, 72].

Однако, по мнению многих авторов, гражданские права и свободы, демократия, законность воспринимаются населением как важные, но не основные ценности [15, 23, 25; 16, 28]. Другими словами, в иерархии жизненных ценностей они не являются первыми по значимости. Большее значение придается личной безопасности, стабильности, предполагающей занятость, рост уровня доходов для каждого работающего. Значимыми остаются проблемы преступности и социальной защиты. Таким образом, ценности, имеющие политический оттенок, находятся на втором плане и представление о них носит достаточно размытый, противоречивый характер.

Все это позволяет говорить, что процесс формирования политической идентичности носит лишь условно рациональный характер и в большей степени детерминирован не когнитивными, а эмоциональными механизмами. А сохранение указанной иерархии свидетельствует о пограничности идентичности, в которой сталкиваются «советская» ментальность, с ее ориентацией на государственное патронирование общества и «западные» системы координат с индивидуалистической доминантой. Поскольку эмоциональные механизмы играют важную роль в формировании политической идентичности, интересно заметить, что среди состояний, которые владеют населением, очень часто по данным общенациональных опросов называются тревога и надежда [17, 25].

Запад и/или Восток: задание повышенной сложности. Обозначенное нами содержание политической идентичности предполагает выяснение геополитических ориентаций современного белорусского общества. Результаты исследований свидетельствуют о следующих тенденциях. Часть населения ориентируется, прежде всего, на союз с Россией и другими странами СНГ. У другой группы доминирует направленность на Европейский Союз. При этом многие жители страны отдают предпочтение такой форме интеграции, как Союз Независимых Государств. Таким образом, установка на сохранение государственности доминирует в сознании белорусов. Например, по данным исследований, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), исследовательской группой «Циркон», лабораторией «НОВАК», Донецким информационно-аналитическим центром (ДИАЦ) и Казахстанским институтом социально-экономических исследований и прогнозирования, больше всего белорусы хотели бы жить в собственной стране без объединения с какой-либо иной страной и без вхождения в союзы государств (25 %), второе место занимает позиция, выражающая тенденцию на объединение России, Украины, Беларуси и Казахстана (21 %) и третье — стремление к вхождению в ЕС и воссоздание СССР (по 17 %). О распаде СССР сожалеют в целом 55 % белорусов [18]. Последнее, на наш взгляд, свидетельствует, что для жителей Республики Беларусь характерно скорее уважительное отношение к прошлому, нежели пренебрежение к нему, что является следствием ситуации пограничности, сложившейся в белорусском обществе. Как известно, специфика ментальных интенций, способов вхождения в социально-политическое пространство являются достаточно устойчивыми образованиями. Немаловажной детерминантой оказывается также структура политического пространства того или иного государства, в частности, его основные акторы, их идеологические пристрастия, каналы и способы взаимодействия с обществом, их риторика, символы и др.

В этой связи напомним, что, начиная с президентской кампании 1994 г., А. Лукашенко обозначил одну из стратегических целей — восстановление союзнических отношений с Россией. Референдум 1995 г. возвратил белорусов в знакомое пространство прежних символов и союзов. Были изменены герб и флаг. Государственными языками стали белорусский и русский. Современная

белорусская государственная символика также погранична. Это трансформированная советская символика. Обращаясь к ветеранам по случаю Дня Победы в 1996 г., Президент Беларуси подчеркнул, что возвращен флаг страны, за которую они воевали. Пограничен и праздник — День Независимости, так как по сути он объединяет прошлое и настоящее. Возвращение к двуязычию также усилило ситуацию пограничности — выросло более чем в 2 раза количество людей, использующих в повседневном общении и русский, и белорусский языки (с 7,8 % в 1995 г. до 17,3 % в 2004 г.) [19, 49].

Анализируя внешнеполитическую идентичность белорусов, следует заметить, что она объясняется не только этнорелигиозными особенностями развития различных частей Республики Беларусь, а также отношением к историческому прошлому их населения и деятельностью акторов политического пространства. Больше всего в интеграции заинтересованы жители областей, непосредственно граничащих с Россией и имеющих более тесное экономическое сотрудничество. Безусловно, в формировании особенностей внешнеполитической идентификации проявляется и социально-экономический фактор. Например, среди чувств, которые испытывало население Беларуси в связи с интеграцией, неизменно доминировало ожидание достижения экономической стабильности республики (33,7 — 58,8 %). На втором месте чаще всего находилось стремление укрепить традиционные дружеские связи двух славянских народов, их социально-психологическое единство (22,1 — 39,5 %) [20, 17—18]. На выбор внешнеполитических приоритетов незначительно влияют такие конъюнктурные факторы, как “газовые конфликты”. В частности, около 68 % населения не изменило геополитического вектора, у примерно 4% мнение укрепилось, и у 24 % — ухудшилось [21, 140]. Около половины населения Беларуси (48 %) считает, что отношения с развитыми странами Запада не более важны, чем с бывшими республиками СССР [18]. Таким образом, в процессе идентификации белорусов ситуационные факторы пока элиминируются слабо, а ситуационная идентичность не превращается в “трансверсальную” (“сквозную”, длящуюся во времени). В этой связи вряд ли следует ожидать резких изменений в политических и идеологических ориентациях белорусского общества.

Внешнеполитические ориентации белорусского общества позволяют нам говорить о том, что в условиях проведения общественно-политических преобразований, создания рыночной экономики и выхода на мировой рынок в Беларуси могут усиливаться региональные различия по линии Запад — Восток, определяющие ее пограничное состояние. В силу того, что глобализация чаще всего ассоциируется с распространением условно “западной” системы ценностей, стандартов производства и потребления и т.д., именно западный регион, в большей степени ориентированный на них, может стать тем “окном”, каналом, через который и будет осуществляться глобальное воздействие. Западные белорусские территории входят в еврорегионы “Буг” и “Неман”, объединяющие Польшу, Беларусь, Литву, Украину и Калининградскую область России. Напомним, что еврорегионы создавались в рамках граничащих друг с другом территорий различных государств в целях активизации их экономического и политического развития. В частности, еврорегион “Буг” создан в 1995 г., а в 1997 г. в него на основе договоренностей, заключаемых на уровне местных властей, вошли приграничные территории Брестской области [22, 93—99].

Важно и то обстоятельство, что многие жители западных территорий имеют родственные связи в соседних государствах. В частности, около 78 % населения Гродненской области имеет близких родственников за пределами Беларуси, в основном в Польше, Литве, России, Украине [3, 166].

Тем не менее западный регион не является однородным с точки зрения возможностей в “продвижении” глобализации. Различия эти связаны, в первую очередь, с уровнем модернизации территорий, входящих в него. Брестская область обладает большими транспортными возможностями, темпами промышленного развития. На ее территории действует Свободная экономическая зона (СЭЗ), скоростная железная дорога и автомобильное шоссе Берлин — Минск —

Москва, газопровод Ямал — Европа и др. Таким образом, Брестская область становится зоной транзита, “регионом шансов” и “точкой роста”.

Гродненская область граничит с наиболее бедными регионами Польши и не обладает крупными транспортными артериями. Более того, польская сторона меньше заинтересована в транзитных процессах и в создании транспортного коридора “Гродно — Калининград”, а стремится создать на границе с Гродненской областью регион, который нужно оберегать от интенсивного транспортного движения. Осложняют развитие данных территорий также намерения Литовской стороны построить могильник по захоронению ядерных отходов.

Кроме того, неоднородность западному региону придают и особенности этнорелигиозного развития. Формирующиеся различия в потенциальных социально-экономических возможностях Брестской области, где доминирует православие, и Гродненской со значительным католическим населением могут также осложнить этнорелигиозные отношения на западных землях, поскольку будут означать окончательное вытеснение польской элиты на второй план. По мнению ряда исследователей, местная элита в Брестском регионе вряд ли может стать проводником антироссийских ориентаций, так как она в большей массе является православной и живет за счет транзитного пути с Запада в Россию. Таким образом, Брест вряд ли превратится в центр националистически ориентированной идеологии. Более или менее реальным очагом потенциальных межэтнических противоречий может стать Гродненщина.

Таким образом, социально-экономический фактор начинает оказывать все большее воздействие на формирование политической идентичности белорусского населения. Его роль в формировании ценностной шкалы общества становится все более весомой. На фоне общей тенденции социально-экономические условия начинают дифференцировать региональные предпочтения белорусов по вопросу геополитических ориентаций.

О вкусах не спорят, к тому же они меняются. Один из индикаторов политической идентичности — партийная и идеологическая идентификация. Под партийной идентификацией мы, как и А. Кэмпбелл, понимаем “психологическую” связь с партией, а не легальное членство или контакт с партийной организацией [23, 10]. В целом же отношения с партией могут быть объективными — формально-легальное членство и субъективными — партийная идентификация. Она складывается, приобретается в раннем возрасте в процессе политической социализации, обладает устойчивым характером, но может измениться в результате сознательного анализа политических предпочтений. Партийная идентификация зависит от социально-демографических, культурных, исторических и географических особенностей и, следовательно, может различаться по регионам. Как психологическая связь с партией, она может быть определена через участие в выборах и представительство партий в парламенте, социологические исследования (рейтинг партий, готовность голосовать за них или их лидеров на выборах, важность партийной принадлежности тех или иных лидеров и т.д.).

В Республике Беларусь партийная система еще находится в стадии становления. На сегодняшний день в Беларуси действует 15 политических партий. Объективно они имеют достаточно низкий рейтинг. Около 61,5 % жителей страны вообще не поддерживают ни одну из имеющихся партий [24, 122]. Например, в 2000 г. в Национальное собрание избрано 16 представителей политических партий, а в 2004 г. — 12, при этом большинство из них — представители левой ориентации. Однако данные показатели условны и не совсем точны, поскольку не все партии участвовали в выборах в 2000 г., а для избирателей большее значение имеют личные качества кандидатов.

Говорить о региональных особенностях партийных предпочтений вообще сложно. Например, четвертая часть всех партийных кандидатов в депутаты на выборах 2000 г. была зарегистрирована в Минске. В Западной Беларуси и столице более популярны условно правые или правоцентристские (КХП БНФ, Партия БНФ, ОП), а также левоцентристские партии (БСДГ, ЛДП). В вос-

точной части страны — условно левые или левоцентристские (КПБ, ПКБ, БСДП НГ и др.) [25, 218–225; 26, 100–104]. Однако сложно делать научно обоснованные выводы об идеологической составляющей политической идентичности в условиях, когда большинству населения долгое время была знакома только одна идеология — коммунистическая, а существующие в Республике Беларусь партии еще до конца идеологически не оформились.

В целом же партийная и идеологическая идентификация слабо развита в Республике Беларусь, оказывает незначительное влияние на политические ориентации и предпочтения и более свойственна жителям столицы. Это подтверждает распространенную точку зрения о том, что партийная идентичность как устойчивая характеристика политической идентичности свойственна стабильным демократиям. Некоторое доминирование условно левых партий в целом на территории Республики Беларусь вполне можно объяснить исходя из концепций “эффекта жизненного цикла”, “эффекта поколений” и “эффекта периода”. Региональные различия в партийной идентичности в большей мере связаны с социокультурными особенностями населения Западной и Восточной Беларуси, а также столицы. При этом партийную идентичность населения г. Минска определяют также и социально-экономические факторы, в частности, тот факт, что через столицу проходят все финансовые, информационные, инвестиционные и другие потоки.

Очень слаба поддержка политических партий и через членство в них. В целом же можно говорить о более или менее реальной поддержке через объективные отношения (формально-легальное членство) только партий, имеющих около трех и более тысяч формальных членов (ЛДП, РП, ПКБ, КПБ, ОГП и др.). Позитивным сдвигом в партийной идентичности белорусского общества является углубление процесса идентификации, что выражается в формировании инварианта идеологических пристрастий. Это во многом является результатом усиления работы партий в регионах и проявляется в работе в местных органах власти. О чем свидетельствуют, например, результаты выборов 2003, 2007 гг.

Нередки случаи, когда для усиления партийного и идеологического влияния партийные лидеры сотрудничают с региональной элитой. Та же стремится структурировать и держать под контролем политическое пространство в регионе, используя различные косвенные методы, в том числе контроль над СМИ, практику проведения различных “круглых столов” по инициативе областной администрации, а также создание или установление контактов с теми или иными общественно-политическими объединениями. Как отмечают некоторые исследователи, в условиях общественно-политических преобразований в Беларуси СМИ являются не источником информации, а своеобразными трансляторами “сообщений для печати” той или иной группы политических интересов [27, 67]. Поскольку на региональном уровне доминирует местная политическая элита, точнее, представители центральной власти, то и СМИ чаще всего выражают их точку зрения.

Региональная элита может также активно использовать не только подконтрольные ей государственные СМИ, но и другие средства, в частности, системы культурных маркеров или символов (публичные церемонии — праздники, фестивали, манифестации, т.д. — гербы, флаги, стереотипы, исторические мифы). Представители местной партийной и культурной элиты, например, Гродненской области, используют любые возможности по созданию как можно большего количества объектов, свидетельствующих об исторической общности региона с Польшей. Настойчиво и целенаправленно осуществляют акции по увековечиванию событий, связанных с Армией Крайовой, их участниками. При поддержке правительства Польши создается широкая сеть библиотек, где представлена литература не только польских классиков, но и неоднозначно оценивающая статус современных западных белорусских земель.

Групповая идентичность может формироваться и через поощрение или поддержку региональных негосударственных периодических изданий массово-политической тематики. Достаточно красноречивы некоторые их названия: “Лідскі летапісец”, “Магазын польскі”, “Милосердие” (Гродно), “Палессе” (Гомель). Если

при этом добавить, что около 58,4 % населения регионов рассматривает именно региональные печатные издания в качестве основного источника массово-политической информации [20, 65–66], то региональная элита потенциально обладает в лице местных СМИ значимым ресурсом укрепления своего влияния. Впрочем, почти то же можно сказать и об электронных региональных СМИ.

Оценивая роль и место региональных массово-политических СМИ, мы должны напомнить, что кроме зарегистрированных каналов и источников массовой информации в нем действуют непрофессиональные периодические издания, которые не требуют регистрации. Напомним, что более половины незарегистрированных периодических изданий выходят именно в регионах [28, 8–14]. При этом следует все же подчеркнуть, что большую часть информации граждане Беларуси получают из электронных СМИ, в частности, телевидения [19]. Заметим, около 40 % населения регулярно смотрят местное телевидение [29]. При этом государственным СМИ доверяют несколько больше, чем негосударственным.

Региональные элиты различного типа и правящие, и оппозиционные, стремясь сформировать необходимую политическую и идеологическую идентичность, идут на сотрудничество с различными движениями и организациями. Наиболее яркий пример — создание Гродненского областного общественного объединения “Ратуша”, которое стало стартовой площадкой для участия в избирательной кампании 2001 г. С. Домаша — представителя именно региональных элит. Показателем также факт выдвижения А. Милинкевича в качестве кандидата от демократических сил на президентских выборах 2005 г. и акцентирование такого факта его биографии, как принадлежность в прошлом к властвующей элите регионального уровня. Выдвижение А. Милинкевича, по нашему мнению, — это своеобразная попытка представителей националистически ориентированной элиты Западной Беларуси, точнее, Гродненщины, не упустить окончательно возможности влиять на стратегические решения в Республике Беларусь.

Таким образом, статус региональной элиты в значительной мере определяет процессы идентификации. В условиях же унитарных государств, в том числе и в Республике Беларусь, безусловно, большими возможностями обладают представители местной власти (правящая элита), которые могут рассматриваться как механизм влияния не только на выбор электората, но и политическую идентичность в целом.

Итак, процесс политической идентификации современного белорусского общества несет отпечаток традиционно устоявшегося поведения, что предполагает осуществление политического выбора на основе не просто оценки собственного благополучия, но и в условиях отсутствия партийных связей и все еще сохраняющегося давления ценностей социокультурной среды, а также сложившихся “сетевых” взаимодействий. Влияние социально-экономического фактора усиливается. При этом политическая идентификация современного белорусского общества является лишь условно рациональной. Например, больше половины белорусских граждан (58 %) выражают удовлетворение своей жизнью. Безусловно, это еще не европейский уровень социальной адаптации граждан, где около 79 % довольны жизнью. Но эти показатели некоторым образом объясняют также и тот факт, что 64 % белорусов одобряют действия президента, 28 % ожидают улучшения положения. При этом 10 % готовятся к худшему, и только 14 % белорусских семей считают материальное положение хорошим [18]. Подобная специфика идентичности современного белорусского общества, пожалуй, и есть результат непрекращающейся ситуации “пограничья”: между Западом и Востоком, между прошлым и будущим, между обязанностями и возможностями, свободой и долгом. Однако мы не думаем, что наше “стыковочное” положение консервирует политическую неопределенность для государства, общества и его идентичности. Будучи удаленными от центров принятия политических решений, власть, в первую очередь, да и общество в целом осознают нежелательность их превращения в социально-культурную и политическую периферию. Следовательно, по нашему мнению, ими

будут предприниматься (а властью уже предпринимаются) активные шаги по приближению к центрам различных политических сил. Причем в качестве союзников властью и структурами гражданского общества зачастую рассматриваются разные игроки. Таким образом, необходимо, чтобы и общество, и власть, и политические институты, артикулирующие их интересы, осознавали, что путь лежит через потенциальные конфликты, а ими нужно не только уметь управлять, но и обладать готовностью и склонностью к достижению компромиссов.

+

Литература

1. Население Республики Беларусь: Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 г.: стат. сб. — Минск: М-во статистики и анализа Респ. Беларусь, 2000.
2. *Кирилкина, И.Л.* Межэтнические и межрегиональные отношения как фактор стабильности в Республике Беларусь / И.Л. Кирилкина // *Полития*. — 2003. — № 1.
3. *Бабосаў, Я.* Этнарэлігійныя стэрэатыпы і трансфармацыя ідэнтыфікацыі насельніцтва ў беларуска-польскім памежжы / Я. Бабосаў, В. Русецкая // *Праблемы развіцця і супрацоўніцтва польска-беларускага памежжа*. — Варшава—Мінск, 1995.
4. *Земляков, Л.Е.* Религиозные процессы в Беларуси. Проблемы государственно-правового регулирования / Л.Е. Земляков. — Минск: РИВШ БГУ, 2001.
5. *Тиханский, А.И.* Этноконфессиональные отношения в обществе и их влияние на национальную безопасность Республики Беларусь / А.И. Тиханский. — Минск: ИНБ Респ. Беларусь, 2003.
6. *Шевцов, Ю.В.* Особенности социально-политической структуры и геополитического положения Беларуси / Ю.В. Шевцов // *Belarus Monitor*. — 1997, февр.
7. *Новикова, Л.Г.* “Религиозный бум” в Беларуси: миф или реальность / Л.Г. Новикова // *Социология*. — 1999. — № 2.
8. Основные закономерности в религиозном сознании населения Республики Беларусь в современных условиях / И.Н. Дунаева [и др.]. — Минск: БГУ, 1995.
9. *Белявцева, Д.В.* Этнорелигиозный фактор и становление особенностей регионального политического сознания Беларуси / Д.В. Белявцева // *Палітычная сфера*. — 2004. — № 3.
10. *Горшкова, Т.* Социально-политическая ситуация в Беларуси глазами верующих / Т. Горшкова // *Государственно-конфессиональные отношения в Респ. Беларусь: материалы “круглого стола”, 22 апр. 1999 г.* / Нац. Собр. Респ. Беларусь; Ин-т соц.-полит. исслед. при Администрации Президента Респ. Беларусь; науч. ред. И.В. Котляров. — Минск, 1999.
11. *Новости НИСЭПИ*. — 2000. — № 2.
12. *Новости НИСЭПИ*. — 2001. — № 4.
13. *Новости НИСЭПИ*. — 2000. — № 4.
14. *Новости НИСЭПИ*. — 2000. — № 3.
15. *Наумова, С.* Общественно-политическая ситуация накануне президентских выборов / С. Наумова // *Выборы Президента Респ. Беларусь-2001: Факты и комментарии*; под ред. М.К. Плиско. — Минск: Тесей, 2002.
16. *Ожидания, реалии и уроки парламентских выборов в Беларуси*; под ред. М.Н. Хурса. — Минск: ИСПИ, 2001.
17. *Выборы-2000 в зеркале общественного мнения*; под ред. М.Н. Хурса. — Минск: ИСПИ, 2000.
18. *Свободные новости плюс*. — 2005. — № 47.
19. *Новости НИСЭПИ*. — 2004. — № 1.
20. *Динамика общественного мнения о социально-политической ситуации в Беларуси (по материалам социологического мониторинга)*: сб. науч. тр.; под общ. ред. М.Н. Хурса. — Минск: ИСПИ, 2003.
21. *Независимые исследования в независимой Беларуси: в борьбе за реальность*. — Новосибирск: Водолей, 2004.
22. *Суздалева, І.* Еврорегіони у системі регіональної політики Республіки Білорусь // *Еврорегіони: потенціал міжєтнічної гармонізації*: зб. наук. праць / Буковинський політологіч. центр та Карінтінський ін-т нац. меншин; під ред. А. Круглашова. — Чернівці: Букрек, 2004.
23. *Wattenberg, M.P.* The Decline of American Political Parties / M.P. Wattenberg. — 1952—1984. — Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 1986.
24. *Социально-политическая ситуация Беларуси: проблемы и перспективы*: по материалам социологического мониторинга: сб. науч. тр.; под общ. ред. М.Н. Хурса. — Минск: ИСПИ, 2000.
25. *Белявцева, Д.В.* Политическая идентификация белорусского общества: региональный аспект / Д.В. Белявцева // *10 лет Белорус. ассоциации полит. наук: сб. материалов*; под общ. ред. В.А. Мельника. — Минск: Право и экономика, 2003.
26. *Белявцева, Д.В.* Региональные особенности политической идентификации / Д.В. Белявцева // *Вестн. БрГТУ. Сер. гуманитарных наук*. — 2003. — № 6.
27. *Социально-политическая ситуация в Беларуси: региональный аспект (по материалам социологического мониторинга)*: сб. науч. тр. / под общ. ред. М.Н. Хурса. — Минск: ИСПИ, 2001.
28. *Даведнік прэсы грамадскіх аб'яднанняў і ініцыятыў Беларусі / Аўтар-уклад. Дз. Станюта*. — Мінск: Мэдысонт, 2003.
29. *Новости НИСЭПИ*. — 2004. — № 2.